

ТЕОРИЯ «НЕЗРЕЛОСТИ» И ПРАКТИКА АГРЕССИИ

Нынешние события в Республике Конго разоблачили перед всем миром хищническую натуру бельгийских колониалистов и их союзников по Североатлантическому блоку.

В оправдание бельгийской агрессии в Конго печать западных стран вновь запестрела утверждениями о неподготовленности африканских народов к политической самостоятельности. Так, близкая к правящим кругам Франции газета «Комба» писала в связи с решениями Совета Безопасности вывести бельгийские войска из Конго: «Страны, входящие в Совет Безопасности, в своем подавляющем большинстве отказываются признать реальную действительность. Ясная оценка положения привела бы к выводу, что Конго при своем нынешнем положении не созрело для самоуправления». Вот эта-то порочная колонизаторская идея о политической «незрелости» африканцев проходит красной нитью в книге Жоржа Остелэ «Главная политическая проблема в Конго и Черной Африке». Ее автор — бывший директор Института социологии Сольвей при Брюссельском университете — считается в Бельгии специалистом по африканским вопросам; его перу принадлежит ряд других работ, в том числе «Цивилизаторская миссия Бельгии в Конго». В рецензируемой книге Остелэ выступает как теоретик колониализма, пытающийся подвести «научную» базу под колониалистскую политику западных держав.

Книга Остелэ обильно уснаще-

Georges Hostelet. Le problème politique capital au Congo et en Afrique Noire, Université libre de Bruxelles. Institut de sociologie Solvay, Bruxelles, 1959, 253 p.

на ханжескими заявлениями о праве африканских народов на независимость, о необходимости придерживаться в отношении их христианского принципа любви к ближнему и т. д. Но из-за этой весьма прозрачной маскировки ясно проступает неприглядное лицо апологета колониализма, который стремится хотя бы на время сохранить колониальный режим.

Рано или поздно, признает автор, большинство стран Черной Африки станут независимыми. И техническую и финансовую помощь для своего экономического развития они найдут не у своих бывших опекунов. В результате белые, проживающие в этих странах, не будут больше пользоваться привилегиями, которые они имели до провозглашения независимости. Возникает, по его словам, сложная проблема. Чтобы бывшие колонизаторы не пострадали, им «нужно вновь завоевать интеллектуальный и моральный престиж», установить «согласие между белыми и черными» (стр. 240).

О каком же согласии мечтает автор?

Сам Остелэ говорит, что он написал эту книгу для «интеллигентной молодежи Конго белой и черной расы», так как он обеспокоен тем, что у получивших образование конголезцев формируется «ошибочное сознание». Оно выражается, утверждает далее автор, в «призрачной мечте о социальных реформах, для которых нет необходимых условий» (стр. 9), и прежде всего в требовании независимости для африканских народов. Остелэ открыто выступает против этого требования.

«Судьба Конго поставлена на карту», — заявляет он, беря под сомнение даже желание конго-

лезского народа стать самостоятельным. «Достигли ли они (конголезцы. — С. Ф.) сознательности, нужной для формирования нации, — вопрошает он, — действительно ли они этого хотят?» (стр. 13).

Неоднократно повторяя на страницах книги утверждение о политической «незрелости» африканских народов, Остелэ пишет, что «достижение независимости странами Черной Африки, и Конго в частности», возможно только по этапам, причем, чтобы «эти этапы были успешно пройдены, негры будут нуждаться в сотрудничестве белых, живущих в их стране и обладающих способностями и качествами успешно вести общественные дела» (стр. 6). Главная политическая проблема в Конго и Черной Африке состоит, оказывается, не в предоставлении политической независимости и не в подъеме национальной экономики и уровня жизни населения, а в «интеллектуальном и моральном формировании граждан» будущих государств (стр. 236). Практически оно должно, по мнению автора, заключаться во введении школьного образования и в установлении контроля за правдивостью информации в печати (стр. 5).

Что это, бред безнадежно отставшего от жизни профессора? Отчасти, несомненно. Но в этом сумасшествии есть своя логика — сохранить империалистическое господство в Африке.

Остелэ объявляет непреложной истиной, которой должны руководствоваться в своем развитии африканские народы, превосходство буржуазной западной культуры с политической и моральной точек зрения, иначе, мол, их ожидает «анархия» и «диктатура».

До какой степени цинизма нужно докатиться, чтобы предложить конголезцам, испытавшим все ужасы колониального гнета, моральное и политическое «превосходство» поработителей.

Эта, с позволения сказать, «аксиома» лежит в основе изобретенной Остелэ концепции «экспериментального синтеза идеалистических устремлений и материальных интересов цивилизованных народов». «Перед цивилизованными народами, — пишет он, — в настоящее время стоят практическая необходимость экономически освоить все территории земного шара и моральная обязанность политической и экономической опеки над отсталыми колонизированными народностями».

Что в этом «синтезе» играет главную роль, видно из следующего утверждения Остелэ: он объявляет «реалистическим, отвечающим прямо человеческому инстинкту право более сильного народа господствовать над другими народами и эксплуатировать их» (стр. 12—13). О колониалистской сущности «экспериментального синтеза» свидетельствует и то, что, по словам автора, политика бельгийских колониальных властей в Конго отвечала этой концепции.

Не удивительно, что автор с подчеркнутой неприязнью относится к национально-освободительному движению африканских народов и к уже возникшим суверенным государствам. Он пытается скомпрометировать в глазах читателей политический режим и руководящих деятелей Ганы, Гвинеи и других стран.

Особую тревогу Остелэ вызывает растущий международный престиж Советского Союза и других социалистических государств. Он сетует на популярность их политического и экономического строя среди населения слабых развивающихся стран Азии, Южной Америки и Африки (стр. 195). «Коммунисты, — пишет он, — пользуются престижем как освободителей угнетенных и эксплуатируемых народов и как строители социальной организации, обеспечи-

вающей трудящимся свободу и процветание» (стр. 233). При этом Остелэ вынужден признать огромные достижения социалистического лагеря. «Я могу только искренне восхищаться... достижениями этих государств в национальной экономике, особенно в области промышленности, так же как и в развитии социального обеспечения, народного просвещения, науки, техники и искусства» (стр. 231). Но проповедника колониальной системы не устраивает только объективная оценка. И в ход идет клевета. Остелэ пускается во все тяжкие, чтобы доказать «опасность коммунизма» для африканских народов, используя для этого все средства из арсенала западной пропаганды.

Книга Остелэ вышла до завоевания конголезским народом политической независимости. Но последующие события показали, что правящие круги Бельгии рассчитывали на чисто символический характер этой независимости, что позволило бы бельгийскому капиталу фактически сохранить свое господство в стране. Бельгийская агрессия в Конго, поддержанная другими империалистическими государствами, является практическим выражением проповедуемой устами Остелэ колониалистской концепции «экспериментального синтеза».

С. ФИЛЬШТИНСКИЙ

АВТОПОРТРЕТ ПРЕДАТЕЛЯ

Неспокойно было в Хашимитском королевстве, и, предчувствуя возможный конец своей карьеры, Хазаа аль-Маджали, премьер-министр Иордании, решил написать мемуары. Правда, в срок лет как будто бы и рано предаваться этому занятию... Но в данном случае поспешность оказалась вполне оправданной: в мае 1960 года «Воспоминания» аль-Маджали вышли из печати, а 29 августа взрыв бомбы в Аммане оставил страну без премьер-министра.

Книга аль-Маджали интересна прежде всего тем, что в ней вы-

ражена его точка зрения на многие вопросы внутренней и внешней политики Иордании — точка зрения представителя тех кругов, которые предают ее национальные интересы.

В правительственных кругах Иордании Хазаа аль-Маджали был значительной личностью. Он ведет свой род от шейхов племени аль-Маджали. Его отец, Баракат аль-Маджали, участвовал в восстании 1916 года на стороне эмира Фейсала.

Начало своей карьеры аль-Маджали положил в 1947 году, когда стал заведовать протоколом при королевском дворе. Этот пост открыл ему возможность приблизиться к королю.

Страницы книги, посвященные

Абдаллаху, являются попыткой обелить и приукрасить роль этого ставленника английского империализма, хотя автор и уверяет, что он не ставил своей целью оправдывать и защищать его. «О нем говорили, что он преданный агент Запада. В действительности он был непримиримым врагом коммунизма», — пишет аль-Маджали (стр. 52). Вот в чем источник его восхищения, его преданности своему королю! Непримиримый враг коммунизма — это он мог бы сказать и о себе. Абдаллах, сообщает далее автор, «стремился использовать Запад в интересах своей страны (читай: заключил с Англией договор, делавший Иорданию марионеткой в руках английского империализма. — Н. З.), своей армии (читай: отлал Арабский легион Джону Глэббу), своего народа (читай: тюрьмы и террор в стране)» (стр. 52).

Его величество высоко ценил преданность своего слуги и единомышленника. Будучи с конца 1948 года главой муниципалитета Аммана, Хазаа аль-Маджали по желанию Абдаллаха каждый вечер посещал дворец, присутствовал на всех выходах и приемах короля, ездил с ним за границу.

Много места в «Воспоминаниях» уделяет автор описанию сближения Иордании с монархическим Ираком, борьбе реакционных правящих кругов за вступление страны в Багдадский пакт. Такой курс во внешней политике Иордании наметился в последние годы правления Абдаллаха. Тайные переговоры, которые он начал вести, продолжал Тауфик Абу-ль-Хади, ставший премьером в новом кабинете после убийства короля. Переговоры велись с Нури Саидом, который прибыл на похороны Абдаллаха. Примечательно признание автора мемуаров, что политика сближения с Ираком инспирировалась Англией (стр. 109).

К внутренней политике Тауфика Абу-ль-Хади, весьма непопулярного в стране, Хазаа аль-Маджали становится в позе оппозиционера и в ноябре 1952 года принимает на себя обязанности секретаря оппозиционной группы в парламенте. Требования оппозиции, в которую входили Анвар аль-Хатиб, Абд аль-Кадир Салих, Абд аль-Фаттах Дарвиш, были следующими: отставка кабинета Тауфика Абу-ль-Хади, изменение конституции, чистка административного аппарата и даже отмена «чрезвычайных законов». Однако внешнеполитический курс Абу-ль-Хади Хазаа аль-Маджали целиком

هزاع المجالي، مذكراتي، بيروت، ١٩٦٠، ص ٢٢١